
Раздел 2

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(470.5).05/06+630(091)

В. В. Шибаев

ГОРНОЗАВОДСКИЕ ЛЕСНИЧИЕ НА УРАЛЕ В XVIII в.

Анализируются вопросы становления и развития социального облика горнозаводских лесничих на уральских горных заводах XVIII в. с учетом их правового статуса, сословной принадлежности, материально-финансового обеспечения, уровня профессиональной подготовки.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лес, лесничий, лесное хозяйство, горные заводы, Урал.

Особой чертой горнозаводской промышленности Урала в XVIII в. была ее неразрывная связь с лесным хозяйством, которое поставляло древесное топливо. Лес использовался для отопления жилых помещений в условиях сурового климата, строительства зданий, цехов и многого другого. Абсолютное преобладание древесноугольной металлургии и проблемы с переходом на использование каменного угля определили специфику развития уральской промышленности. Строительство и успешное функционирование горных заводов зависело в первую очередь от отвода к ним больших лесных площадей, которые принадлежали коренному населению.

Приписанные к заводам леса оформлялись в лесные дачи, которые разрешалось использовать только для заводских нужд. После вырубki этих лесных массивов, окружавших горные предприятия, производились новые «прирезки» лесов, и лесные владения заводчиков расширялись. Если первоначальный отвод земель проводился с целью снабжения заводов древесным топливом, то впоследствии эти лесные площади переходили в собственность уральских заводов.

Изучение истории учреждений, занимавшихся лесным хозяйством уральской горнозаводской промышленности, дает возможность осветить важные аспекты таких глобальных задач современной эпохи, как формирование экологической культуры, создание качественно новых социоестественных систем. Исторический опыт природопользования позволяет увидеть социальную сторону проблемы взаимоотношений общества и окружающей среды.

Система запретительных мер по пресечению расточительного потребления древесины в народном хозяйстве, введенная в начале XVIII в., не дала положительных результатов. В связи с этим потребовалось создание новых социальных институтов, которые должны были обеспечить защиту государственных интересов и контроль за использованием лесов. Учреждение особого ведомства, занимавшегося охраной лесов, стало принципиально новым явлением для русского государства.

Создаваемой лесной администрации для эффективного функционирования требовались квалифицированные кадры. Так как специальных лесных учебных заведений не было, первоначальное комплектование проводилось из наиболее привилегированной части общества — дворян.

Первым шагом в этом направлении стало издание указа о создании «Вальдмейстерского отделения» при Адмиралтейств-коллегии. Согласно его положениям были введены должности для особых лесных чиновников, обеспечивавших «надзор за лесами»: обер-вальдмейстер (высший надзиратель лесов), вальдмейстеры (надзиратели лесов) и унтер-вальдмейстеры. Обер-вальдмейстер осуществлял общее руководство, возглавляя вальдмейстерскую контуру. Ему подчинялись вальдмейстеры и унтер-вальдмейстеры. Все они назначались из среды помещиков, чьи имения находились в соседстве с «заповедными» лесами [Истомина, с. 35–37].

Иерархия лесных служащих — вальдмейстеров была закреплена в Табели о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, изданной 24 января 1722 г. Этот документ в своем первоначальном виде установил иерархию должностей, а не чинов. Согласно Табели о рангах ранг высшего лесного надзирателя, находившегося в должности обер-вальдмейстера, стал соответствовать V классу, ранг вальдмейстера — VIII классу [ПСЗ, т. 6].

В ходе решения поставленных Петром I задач по выявлению и сохранению строевого леса стало очевидно, что дальнейшее развитие других важнейших отраслей хозяйства, уральской промышленности в том числе, тоже требует значительных объемов лесных ресурсов и определенной регламентации их использования.

В начале 20-х гг. XVIII в. ряд положений «Обер-вальдмейстерской инструкции» был осуществлен на горнозаводском Урале, хотя изначально

этот документ предназначался для «сбережения корабельных» лесов. В частности, В. Н. Татищев в 1722–1723 гг. назначил дворян на должности лесных надзирателей — вальдмейстеров на Уктусский, Алапаевский и Екатеринбургский заводы [Рожков, с. 28–29; Козлов, 1964, с. 71].

Создание в России в первой четверти XVIII в. вальдмейстерского ведомства привело к спросу на специалистов лесоохранного дела. Но в русском государстве еще не было учебных заведений для их подготовки. Поскольку Россия не обладала собственным опытом по созданию учреждений надзора за лесами, обратились к западноевропейскому опыту, об этом говорит прямое заимствование немецких терминов для наименования лесного ведомства и его чиновников.

В инструкции «О правилах обращения с лесами» 1732 г. впервые упоминается о вызове из Германии специалистов лесного дела, так называемых «форштмейстеров». Им был передан «надзор за всеми подчиненными и засеянными пространствами, и поручалось засевать избранные участки». Каждому было придано по шесть учеников, «с тем, чтобы обучать оных ходить за лесами не скрывая ничего» [Арнольд, с. 211–212].

Специфика развития горнозаводского Урала потребовала введения новой иерархической системы классных чинов для государственных служащих горного ведомства. С начала 30-х гг. XVIII в. был поднят вопрос о приравнивании горных чинов «для лучшего порядку и поощрения наук» к военным чинам. В 1734 г. В. Н. Татищеву удалось этого добиться, внося ряд поправок в предложения В. И. Геннина с той целью, чтобы «иметь Обер-бергамту власть за прилежность и верность прибавлять, а за леность и дерзость убавлять классные чины» [Земцов, Ляпин, с. 32–33]. Так как лесное хозяйство играло важную роль в горнозаводском производстве, названия лесных чинов также вошли в «Табель горных чинов на уральских и сибирских заводах».

Согласно этому документу наименование лесного чиновника XII класса — «вальдмейстер» по Табели о рангах — было заменено на новое — «форштмейстер». В системе управления горнозаводской промышленностью государственный служащий этого ранга входил в состав окружного горного начальства. Так как «Табель горных чинов» была приравнена к классным военным чинам, то должность форштмейстера стала соответствовать чину поручика.

К «надзиранию лесов, приему дров и угля» на уровне заводской конторы были определены шихтмейстеры — горные чиновники XIV класса. Горные служащие этого ранга были приравнены к прапорщикам. В XVIII в. за горнозаводскими лесными чиновниками XIV класса закрепилось звание вальдмейстеров.

В подчинении заводского вальдмейстера находились унтер-шихтмейстеры. Они не имели класса по Табели о рангах, и их статус соответствовал унтер-офицерским чинам [ПСЗ, т. 44, с. 34; Кривоногов, с. 5–6].

Следует отметить, что одновременно с введением «Табели горных чинов» В. Н. Татищев сделал попытку русификации горных терминов. Это было связано с «засилием немецких наименований горных учреждений, названий инструментов и чинов» вследствие прямого заимствования достижений западноевропейской науки. По его мнению, форштмейстеров следовало называть «лесными управителями», шихтмейстеров «при лесных делах» — «надзирателями лесов». Но попытка «избавить русский язык от введенных иностранными специалистами немецких наименований горных чинов» не получила одобрения со стороны правительства [Павленко, с. 44].

Согласно данным В. И. Геннина, в 30-х гг. XVIII в. на одиннадцати казенных горных заводах к «надзиранию лесов и приему дров и угля» было назначено восемь надзирателей, шесть из которых имели должность шихтмейстера (чин XIV класса). Половина вальдмейстеров помимо «смотрения за лесами» была определена к «плавильным делам, в помощь гитенфервалтеру (заводоуправляющему. — *В. III.*) и молотчую» [Геннин, с. 442, 453, 458, 472–473, 485, 498–499, 519, 534, 539, 557, 656].

Горные чиновники, и горнозаводские лесничие в том числе, находились в привилегированном положении. Все расходы на их содержание определялись заводскими штатами [Козлов, 1970, с. 63]. Лесные смотрители по штатам 1737 г. получали 46 руб. окладного жалованья в год, унтер-шихтмейстеры — 36 руб. Угольные мастера трудились сдельно, они получали по три четверти копейки с каждого короба угля. По штатному расписанию пермских заводов 1757 г. жалованье саксонского угольного мастера составляло 156 руб. [Планер, с. 31].

Размеры жалованья не могли полностью обеспечить жизненные потребности лесных надзирателей. Нехватка денежных средств толкала их к лихоимству и взяточничеству. В. И. Геннин отмечал большое количество злоупотреблений в лесном хозяйстве на горных заводах. Обычной практикой для горнозаводских лесных служащих было «пьянство в урочное время и тиранские поступки (побои) над лесными работниками за малую вину мимо ведения Обер-бергамта». Наиболее ярко В. И. Геннин осветил злоупотребления, имевшие место на Полевском медеплавильном заводе, совершенные лесным надзирателем Мартыяниновым. Заводской вальдмейстер систематически брал взятки с приписных крестьян, назначенных к лесным работам, за отпуск их с завода по домам. «Невыполненные уроки» (нормы по приготовлению и перевозке угля и лесных

припасов) переключались на менее зажиточных крестьян, не имевших средств откупиться от лесничего [Геннин, с. 366–368].

В феврале 1758 г. в Канцелярии Главного заводов правления при лесной экспедиции была учреждена должность «главного смотрителя над здешними и всеми заводами ранга капитанского», которая соответствовала IX классу Табели о рангах [ГАСО, ф. 24. оп. 12, д. 493, л. 135]. Эту должность в соответствии с положениями «Табели горных чинов» 1734 г. имел право занимать горный офицер в чине обер-гитенфервалтера или бергмейстера.

В 1760 г. «Табель горных чинов» В. Н. Татищева, в которую входили горнозаводские лесные чиновники, была закреплена на общероссийском уровне.

После публикации в феврале 1762 г. «Грамоты о вольности дворянству» в лесном ведомстве большие изменения коснулись социального облика лесничих. Так как для дворян была отменена обязательная государственная служба, их количество на горных заводах резко сократилось. После губернских реформ тенденция к снижению доли дворян среди уральских горнозаводских лесничих усилилась. Отток дворян был вызван появлением новых учреждений, для которых требовалось большое количество мелких канцелярских служащих. Государство было вынуждено допускать так называемых разночинцев в аппарат управления уральской горнозаводской промышленностью. Этому способствовала система чиновного производства, основы которой были заложены Табелью о рангах, защищавшей интересы дворянского сословия.

В 1781 г. на Урале управление горнозаводской промышленностью было передано губернским казенным палатам. Все это привело к катастрофическим последствиям, так как престиж службы в горном ведомстве, а следовательно, и в институтах, ведавших лесным хозяйством на заводах, был подорван. Работа на заводах требовала определенных знаний, опыта, была сопряжена с лишениями и ответственностью, вознаграждение здесь было меньше, чем в гражданских ведомствах. Гражданская служба стала более привлекательной, и горные офицеры начали уходить с заводов. «На место заводских управителей стали определять унтер-шихтмейстеров, людей, не имевших должного опыта и знаний» [Лоранский, с. 43]. Подобная ситуация сложилась и среди горнозаводских лесничих.

Записи о прохождении военной службы горнозаводскими лесничими встречаются крайне редко. При уходе с военной службы чиновник имел право на присвоение ему очередного чина. В первую очередь это относилось к дворянам, которым полагалось повышение «по одному рангу», если они прослужили в прежнем чине более одного года. Если дворянин желал

перейти из военной службы в статскую, то при наличии вакансии он мог получить увольнение от военной службы с награждением чином, в случае «если три года в одном ранге состоял» [ПСЗ, т. 15].

Архивные материалы позволяют представить социальный состав уральских лесничих горного ведомства во второй половине XVIII в. Подавляющее большинство заводских вальдмейстеров (53 %) происходило из заводских и мастеровых детей, из обер-офицерских — 20 %, из солдатских — 10 %, из приказнослужительских и канцелярских — 7 %, остальные — из церковноприходских, иностранцев и дворян.

Доля классных чиновников в горнозаводском лесном ведомстве на Урале составляла 56,7 %. Наиболее многочисленной была группа чиновников XIV класса — 35,2 %; количество подпоручиков (XIII класс) и поручиков (XII класс) было равным — по 17,6 %, горных офицеров «капитанского ранга» (IX класс) — 12 %, чиновников X, XI и VIII классов насчитывалось по 6 %. Средний показатель возраста классных чиновников составлял 46 лет, а их средний срок службы на горных заводах — 26 лет.

Число заводских служителей, определенных «к надзору за лесами», но не имевших классных чинов, в последней четверти XVIII в. достигло 43,3 %. В том числе унтер-шхтмейстеров всех трех классов было по 30,8 %, доля штейгерских и других горных учеников составляла 7,6 %. Средний возраст этой группы составлял 30 лет, срок службы — 15 лет [ГАПК, ф. 544, оп. 2, д. 2, л. 9, 14, 20–22, 30; ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2330, л. 99–102; д. 2627, л. 52–55, 150–155, 175, 162; д. 2631, л. 5, 150, 155, 559, 669; д. 2634, л. 58; д. 2873, л. 5–10, 25, 619].

При изучении социального облика уральских лесничих второй половины XVIII в. особое внимание следует уделить вопросам кадрового обеспечения горнозаводского лесного ведомства, ротации его чиновников. «Тяготы и большие лишения», связанные с необходимостью совершать в любое время года и при любой погоде систематические обходы лесов, приписанных к заводам, отнюдь не способствовали увеличению числа желающих быть лесничими. Это приводило к большой текучести кадров в рассматриваемый период. Подавляющее большинство чиновников (82,2 %) «исполняло вальдмейстерскую должность» не более одного-двух лет; 10 % горных служащих «надзирали за лесами» в течение пяти-шести лет; лишь 7,8 % находились «у смотрения за лесами» более двадцати лет.

Образование зависело от сословного происхождения и существенно влияло на получение должностей, на служебную карьеру. Почти все заводские вальдмейстеры в рассматриваемый период получили образование в школах при горных заводах, только губернский секретарь А. М. Казаков закончил Морской кадетский корпус [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2627, л. 30; д. 2631, л. 14, 22, 30, 36, 41, 136; д. 2633, л. 498–500; д. 2670, л. 14, 24, 31].

Выходцы из податных сословий (даже при наличии начального образования) при поступлении в горнозаводское лесное ведомство могли рассчитывать на получение низших чинов — угольных учеников. Так, С. Задорнов после поступления на заводскую службу угольным учеником и смотрителем лесов получил чин унтер-шихтмейстера через 25 лет беспорочной службы [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2627, л. 52–55].

Преставление о размерах жалованья дают штаты учреждений. Они зависели от должности, занимаемой лесным смотрителем, от значимости учреждения, в котором он служил. Разное жалованье получали чиновники горнозаводского лесного ведомства, даже если занимали должности, находившиеся в одном классе, — не только в зависимости от принадлежности того или иного учреждения к региональному, окружному или местному (заводскому) уровню управления. Большое значение играла роль учреждения в общей структуре. Этим обуславливалась высокая степень дифференциации размеров окладов чиновников.

Жалованье служащих горнозаводского лесного ведомства на Урале было скромным. Минимальные оклады получали унтер-шихтмейстеры в вальдмейстерских должностях. В 1797 г. их размер на уровне заводских контор составлял 86 руб. в год. В том случае, если при заводе находилось горное начальство, доход унтер-шихтмейстера доходил до 92–96 руб. в год [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2627, л. 152–155].

Ежегодный оклад вальдмейстера горного округа зависел от чина, который он занимал. Так, губернский секретарь (XII класс) А. М. Казаков, возглавлявший на рубеже XVIII–XIX вв. Екатеринбургскую лесную экспедицию, получал 180 руб. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2631, л. 5, 41, 136]. Доход вальдмейстеров Богословских и Камско-Воткинских заводов, гитенфервалтеров IX класса, составлял 343 руб. 4 коп. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1804, л. 212–212 об.; д. 1808, л. 42, 67].

Материальное положение уральских горнозаводских лесничих в конце XVIII в. следует рассматривать с точки зрения соотношения курса рубля и цен на товары первой необходимости. В XVIII в. общероссийские цены на продукты питания (10–15 коп. за пуд хлеба) были невысокими, и такое жалованье относительно стоимости продуктов не было нищенским [Писарькова, с. 148–149]. В 1768–1786 гг. курс ассигнационного рубля практически равнялся серебряному, но с увеличением выпуска денежных ассигнаций начал падать. В результате с 1795 г. курс ассигнационного рубля колебался в пределах 65–80 коп. серебром. Однако на Урале цены были более высокими из-за неблагоприятных условий для земледелия: например, пуд ржаной муки в среднем стоил 27–28 коп. Большинство сельского населения, приписанного к уральским горным заводам, было занято

на лесных работах. Задержки во время проведения лесных работ и куренной операции зачастую приводили к срыву посевной. В этих случаях цены на продукты питания вырастали в несколько раз. Так, в 1796 г. стоимость ржаной муки выросла до 1 руб. 20 коп., а в апреле 1797 г. снизилась до 85 коп.

Это приводило к ухудшению имущественного положения чиновников уральского горнозаводского лесного ведомства. В таких условиях прожить на одно жалованье было практически невозможно, бедственное положение вальдмейстеров толкало их на совершение многочисленных злоупотреблений. Широкое распространение получили взятки, которые взимались за уменьшение «урока» приписным крестьянам, оформление разрешений на самовольную рубку леса в заводских дачах. Наибольший доход приносило участие в межевых работах, разрешении лесных споров между лесовладельцами. Решение вопроса в такого рода делах в пользу кого-либо напрямую зависело от размера взятки.

А. С. Ярцев во время своей поездки на Гороблагодатские заводы выявил многочисленные случаи «огурства» — злоупотреблений заводских вальдмейстеров. Так, на Нижне-Туринском заводе они «чинили произвол» в вопросах организации горнозаводского лесного хозяйства, что нередко приводило к остановке завода из-за его недостаточного обеспечения древесным топливом в «урочное время». На Кушвинском заводе было обнаружено более 5000 коробов «старого прежних лет лежалого угля», испорченного временем и погодой вследствие непродуманных действий заводского лесного смотрителя. Часть угля при Серебрянском заводе была забракована по той же причине. Кроме того, на заводе отсутствовали заводские надзиратели унтер-шихтмейстерского звания и к должностям «употреблялись мастерские мальчишки и копиисты». На Гороблагодатских заводах были отмечены случаи «злоупотреблений с угольными подрядами», в ходе которых обирались приписные крестьяне, определенные на лесные работы и куренную операцию [Лесенко, с. 280, 288, 297–303].

В XVIII в. определенное внимание уделялось вопросам подготовки отечественных лесных специалистов. По мнению С. Ведрова, в этот период в лесном ведомстве Российской империи появились две основные категории лесных чиновников. В первую категорию вошли вальдмейстеры, которые, не имея специального образования, являлись доверенными выборными из дворян. Во вторую вошли форштмейстеры как лесные специалисты [Ведров, с. 174]. Несмотря на это, квалифицированных кадров по-прежнему не было. Приезжавшие из Западной Европы «лесные знатели» не знали русского языка и зачастую уезжали на родину, успев лишь научиться говорить по-русски. Так что качество обучения отечественных лесоводов лесным наукам было низким.

Поэтому в 1773 г. было решено организовать курсы по подготовке лесных специалистов. Они были учреждены при Обер-егермейстерском корпусе, количество учеников («ягд-пажей») было определено в десять человек из дворян «для образования их к должностям при этом корпусе и к форштмейстерским делам». Курс обучения был рассчитан на четыре года, в течение которых воспитанникам преподавали «форштмейстерство, знание лесоохрнительное». По завершении обучения молодые специалисты должны были определяться «при егермейстерской конторе и на вальдмейстерские места» [Грахов, с. 1–2]. Но, несмотря на выделение денежных средств на воспитание пажей, эти курсы так и не были открыты.

В 1799 г. в России была сделана еще одна попытка организовать специальное лесное образование. С этой целью четверо воспитанников Морского шляхетского корпуса «было отправлено в Англию для обучения, как разводят там леса при королевских рощах, из коих английские флоты снабжаются лесами» [Там же, с. 2]. В Россию вернулись только двое — Блоков и Тихонов. Они получили звание ученых форштмейстеров и были отправлены в Казань для разведения корабельных лесов.

Последняя в XVIII столетии попытка учредить учебное заведение для подготовки лесных специалистов была предпринята указом в марте 1800 г., когда при Морском кадетском корпусе был основан форштмейстерский класс для обучения некоторых кадетов лесным наукам. Деньги на его содержание отпускались из сумм Лесного департамента [Грахов, с. 3; Краткий очерк, с. 3–4].

Таким образом, в XVIII в. началось формирование социального слоя лесных чиновников в уральской горной администрации, среди которых преобладали выходцы из податных сословий. Высокая текучесть кадров в горнозаводском лесном ведомстве, отсутствие лесных специалистов позволяет сделать вывод о том, что в этот период лесничие не выделились в отдельную от горных чиновников группу.

Арнольд Ф. К. Лесоводство в Германии, Франции и России. СПб., 1895.

Ведров С. О лесоохранении по русскому праву. СПб., 1878.

ГАПК. Ф. 544 (Бергамт Пермского горного начальства).

ГАСО. Ф. 24 (Уральское горное правление).

Геннин В. И. Описание уральских и сибирских заводов 1735 г. / под ред. А. М. Павлова. М., 1937.

Грахов Я. Историческое обозрение мер правительства к образованию лесничих // Журнал министерства государственных имуществ. 1844. № 4. Ч. 11. Отд. 2. С. 1–12.

Земцов В. Н., Ляпин В. А. Екатеринбург в мундире. Екатеринбург, 1992.

Истомина Э. Г. Лесоохранительная политика России в XVIII — начале XX в. // Отечественная история. 1995. № 4. С. 34–51.

Козлов А. Г. Казенная горнозаводская промышленность Урала XVIII — начала XIX века // Вопросы истории Урала. Вып. 11. Свердловск, 1970. С. 3–87.

Козлов А. Г. Татищев и заводское строительства на Урале // Материалы к биографии В. Н. Татищева. Свердловск, 1964.

Краткий очерк развития Санкт-Петербургского лесного института / под ред. П. Н. Вереха. СПб., 1903.

Кривоногов В. Я. В. Н. Татищев о «Табели горных чинов» // Уральский археографический ежегодник за 1973 г. Свердловск, 1975.

Лесенко Д. Материалы для истории горного промыслов в России // Горный журнал. 1883. № 280, 288, 297–303.

Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России 1700–1900 гг. СПб., 1900.

Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII века. М., 1953.

Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // Человек. 1995. № 4. С. 147–158.

Планер Д. И. Историко-статистическое описание округа Пермских казенных медеплавильных заводов // Пермский сборник. Кн. 1. Отд. 3. М., 1859.

ПСЗ. Т. 6. № 3890; Т. 15. № 11444; Т. 44 : Книга штатов. Отд. 4.

Рожков В. Деятельность капитана артиллерии В. Н. Татищева на Уральских заводах в царствование Петра I. СПб., 1884.

УДК 94(470.5).05/062:651

А. М. Сафронова

РОЛЬ ГОРНОЗАВОДСКИХ ШКОЛ В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ПРИ КАЗЕННЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА В 20—30-е ГОДЫ XVIII в.

В статье впервые в историографии раскрывается роль учащихся горнозаводских школ в организации делопроизводства при органах управления казенными заводами Урала в 1720–30-е гг. в условиях острой нехватки не только подготовленных канцелярских служащих, но и незанятых в заводском производстве грамотных людей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Урал, Екатеринбург, В. Н. Татищев, В. И. Геннин, горное ведомство, делопроизводство, школьники.

В отечественной литературе упоминалось лишь об отдельных фактах использования школьников для письма в заводских конторах в 20–30-е гг.